

Религия Удмуртов и древнее право.

(Резюме реферата, прочитанного на торжественном заседании Казан.
О. А. И. Э. в честь 50 летия общества).

1. В эпоху классово́й борьбы ученый не может быть аполитичен, и протоистория этнологом невольно искажается в целях компромисса с его политическими убеждениями. Отсюда требование, обращенное ко всякому этнологу,—особенно бережно обращаться с обрядом, с пережитком. Пережиток не только обломок прошлого. Это обломок уже исполняющий в экономике общества совершенно иное назначение, чем то, для которого он вызван к жизни, обломок поэтому исковерканный, извращенный, чуждый прошлому и настоящему. Нужно поэтому всегда отмечать при наблюдении, в какой группе восходящего или нисходящего класса подмечен пережиток. Необходимо принять во внимание идеологию самого наблюдателя, нельзя никогда забывать, что и сам исследователь, мы сами, в своих научных работах „делаем политику“.

2. Существенным препятствием к дальнейшей работе служит расплывчатость терминов. Мы вполне присоединяемся к Никольскому, вводящему в науку термин: культурный комплекс. Для нас комплекс—это генетическая цепь обычаев и пережитков: 1) религиозных и экономических особенностей племени, 2) тесно связанных с друг с другом и 3) теряющих свое жизненное значение при выпадении ядра или стержня, вокруг которого они группируются. Праобычай—принудительное правило общежития, охраняемое родом в его интересах. Праобычай входит в комплекс.

Выделить его из массы других привходящих элементов, определить его генетическую связь с системой институтов права эпохи писанного права, подойти тем самым ближе к моменту происхождения права—задача этноюриста.

Индикатором мы называем элемент комплекса, характеризующий его строение, отсутствие которого разрушает самый комплекс. Сигнализатором—пережиток, который, сохранившись до настоящего, имеет в прошлом генетическую связь с данным комплексом.

3. История права начинается еще в праистории. Цель в праве—„юридический принцип“—установление основного соци-

ального взаимоотношения—господства и подчинения. В эру протоистории-древнего права цель в праве — уточнение понятия „субекта права“, высвобождение личности из оков рода, племени, стаи. Эпоха товарного права дала новое направление юридической мысли. Целью в праве являлось уточнение понятие товаровладельца и самого товара. Все есть товар и все можно купить на рынке.

Условно мы делим эру протоистории на эпохи: 1) сакрального права, когда аниматическое миропонимание на игру хозяйственных взаимоотношений набрасывало покрывало магических операций, 2) генетического права, когда в эру первобытного земледелия родовая группа ведет счет по матери, и материнская филиация вносит известный порядок и учет в область эксплуатации детского и женского труда, 3) феодального права, когда вождь, он же товаровладелец и купец, постепенно обращает в товар и землю, и людей, и все окружающее.

4. В целях предварительного изучения комплексов протоистории мы подвергнем анализу **религию удмуртов**, как народности, вследствие наличия отсталых форм земледелия, сохранившей наибольшее количество пережитков протоистории.

5. Исследователей вотской религии уже давно привлекала загадочная фигура Квазя. Первухин предполагал, что Квазь есть бог атмосферы. Еще в 1839 г. в „В. Г. В.“ указывалось, что Квазь—бог; Квазь лэнэрик—божья воля. На обиходном языке термин Квазь употребляется для обозначения погоды: Квазь ~~идет~~ ^{идет}—погода теплая. Квазь зоре—дождь идет, иногда ветер. У Лыткина в вотячко-русском языке мы читаем: Куаз, Квас (зырянское сынод) погода, воздух, бог. В русско-вотячко-зырянском словаре (1884) помечено: бог-илен (инмар, куаз, кваз).

В исландской мифологии карлики убивают великана Квазира, который помогает советами Азам. В Эддах же мы встречаем указание, почему мудрость сопоставляется с понятием ветер: „Отчего происходит ветер. Он так силен, что задувает пламя. Но как ни силен он, его никто не может видеть, так удивительно устроен он“. У мордвы Каз—божество дурного, губительного ветра.

Не забудем, что миссионеры XIX века делали попытки отождествить Квазя с третьим лицом христианской троицы, объединяющей также дуновение ветра и мудрость. В эпоху анимизма, да и теперь еще в область религии вклиниваются аниматические представления о безличных силах природы (Ваконда индийцев, Сиу, Вана австралийцев). Ин—солнечный свет, Квазь—движение ветра относятся к этим силам природы эпохи сакрального права. Нам важно установить основные осо-

бенности последнего. Аниматизм и пратотемизм выдвигают на первый план жречество. В жреческом сословии воплощаются обыкновенно все предания и все духовное состояние племени. Спорить с ним в эпоху сакрального права очень трудно. Кто, кроме него, мог подчинить своей воле все эти: Ману, Ваконду, Оренду. Понятия о причинности явлений не существовало, личной собственности почти не было. Землепользование, как правило сводилось к ограничению поиска пищи на определенной территории. Старейшины или втягивали в свой круг жрецов или держались с ними на паритетных началах. В круг аниматизма входили пучки понятий: 1) Огня-тепла-света, 2) Ветра-движения, 3) Пещеры-мрака-неизвестности. Смерти не признавали. Пляска и позднее слово было тоже чудом в этот период. Возникали магические операции в роде Зейда у норманов. Все это было в руках жречества Божество Квазь пережило период сакрального права. Ветер всегда смущал своим появлением человека. Ветер, по Лукиану Самосатскому, есть виновник жизни. В воплях ужаса перед ветром халдейских жрецов рисуется облик ваконды, безликой, всепроницающей, чуждой богам и людям. Позднее ваконда персонифицировалась. Из мрака выступила у греков Геката. Мудрость перешла к добрым богам в роде вавилонского бога Эа. „Ветер“ в наших краях сохранил свои очертания в лице бога Квазя, который уже в XIX веке умер за недостатком ясного содержания. Остались выражения: Квазь зоре—дождь идет, Инмар да Квазь тода—бог знает. Квазь лэнэрик—божья воля.

6. Характерной особенностью сакрального периода был культ мертвых.

Живые и мертвые одинаково нуждались в „жизненной силе“. „Ваконде“, „Ману“, „Живой воде“ русских сказок. Как правило в позднейший период она олицетворялась в виде „живой“ еще дымящейся крови—отголосок более раннего каннибализма. Отсюда институт древнего права сакрификации, когда человек становился сацер есто (sacer esto) и жертвой, и богом в одно и то же время. По Магницкому (1883 г.), в Уржумском уезде поезжанами во время свадьбы разрывался на куски огромный пирог из всех сортов муки. По Павзанию (8,25), Микейские жрецы разрывали на части жертву.

„Сам я, когда бы нашли на меня обуянье и сила, плоти своей пожирал бы сырьем отсеченные части“, восклицал Ахилл в Илиаде. Мертвые живут своей обособленной жизнью, они нуждаются в той же ваконде—„силе-вещи“, как и мы. Они враги нам, потому что мы обладаем кровью, которой они не имеют. Этот прамиф не оставляет места для жалости. Остаются правила войны с „мертвыми“ применением тех же ма-

гических операций. Вотская религия наполнена указаниями на культ мертвых. Пьет человеческую кровь ходящий ночью — вотлись мынис (Гаврилов); смерть режет человека, при чем от брызг крови защищает только сталь (Гаврилов); через год, пять лет умершему режут посторонние корову или лошадь, говоря: старикам. Близь покойника на лавку ставят пищу-тырон, плату умершему (Смирнов). В великую среду от умерших ведунов можно избавиться только тем, что на окна кладут сталь, окуривают избу можжевельником (Гаврилов) или вбивают им в могилу рябиновый кол; убить шайтана можно только чугуной пулей, так как чугун языка не имеет и заговорить его нельзя (Мошков); в Кулэм Потонюй мертвые выходят из могил.

Список можно удлинить до бесконечности. Обобщая все указания, заключаем, что культ мертвых особенно был развит до открытия железа (мертвые боятся стали, против чугуной пули они бессильны). Зола очага, обугленная палка, рябина достаточно сильное против них оружие. Жертвы для них приятны черного цвета, по-возможности, краденые. Следовательно, время их господства — редкие семейные очаги, наличие тотема рябины (сухомес-молотые ржаные зерна в перемежку с сухими ягодами рябины); они живут во мраке, ползут за живыми, привлекаемые запахом крови.

7. Другой загадкой вотской религии является Кылдысин и Му Кылчин. Му Кылчин тесно связан с введением первобытного земледелия. Женщина, в круг обязанностей которой входила и обработка земли, приобретала все больший вес и значение по мере того, как орда оседала на землю. На ней лежала трудная обязанность распределения работы; счет родства велся по матери. Идеология немедленно отразила этот процесс в своих образах Мумьем Мумы — матери земли. Рядом с последней выделилась Гудыри Мумы — мать грома — выражение бесформенной речи, состоящей в одних только эмоциональных выкриках. Но вербальная речь постепенно из тесного круга жреческих заклинаний выросла в быт всего племени; в мифотворчестве речь отразила насущные экономические потребности — обработку своей полосы. По Гаврилову, полевые работы начинаются принесением в жертву черного быка Му Кылчину и красного — Ю-Кылчину; по Смирнову (1890 г.), у зырян есть богиня — полосница, охраняющая межи и полосы. Первые указания об этом божестве мы имеем у Рычкова (1770), у Палласа (1788), у В. Г. Б. (1846 г.). В вотской религии тесно переплетались магометанское и христианское влияние. Первое дало образ Каба Инмар'а, принимающего молитвы людей (Гаврилов), Кылчина, посылающего в наказание

Кылчин'а Убир'я (Верещагин). Второе создало Му Кылчин'а—друга божия, ангела земли, сына божия.

У Латкина в Э. Р. С. обозначено: кыл—язык, слово.

В Бирске кыл—язык колокола; есть выражение: инмаре кылдете—дай бог.

В Арске: Му—полоса, Кылчин—ангел, Кылдыс—творец.

В тюркских наречиях: Чы-делающий что, например: кыяр чы,—торгующий огурцами, кара-у-чы—смотрящий. По-вотски, чын—дым, чынтон—фимиам; му—полоса, также мед, также земля.

Ю, иу, су—хлеб на корню. По-турски, кала-у-че—творящий; ты-чин—чудесное.

Повидимому, на неоформленном языке вотяков генетического периода расплывчатое понятие Му—земля, с появлением земледелия перешло в Му—полоса. Факт урожая связывался по-прежнему с магическими сакральными формулами, возник образ „ангела земли“—более позднее объяснение, чем заклинатель земли-полосы и хлеба на корню: Му и Ю Кылчин. Кылче-ин—слово—делающий—счастье, заклинатель, позднее—творец мира. Кылдытсь—творящий. Еще позднее медленный процесс стягивания божеств в одно целое дал более расплывчатый термин Кылчин Инмар—бог (Васильев, 1906 г.), Кылчин Инмарлы—творец (Гаврилов), Кылдысин—творец неба.

Арские вотяки переводят термин Кылдысин словами: вообще все боги, боги вообще, подчеркивая, что Кылчин—ангел, Кылдыс—творец.

При быстрой смене экономических явлений вотская религия не успела выделить с достаточной ясностью свои образы. Она вся теперь как бы свернулась в краткую формулу: Ей Инмар Кылдысин Квазь. И здесь в основе лежит пучок понятий: Ин—счастье, Кылдысин—творец, Квазь—ветер, движение—намек на сакральную формулу, произнося которую получаешь счастье (урожай). Более старая формула была по всей вероятности: Инмар-Кылчин Кваз, то есть произносящий слово и передающий его ветру получает счастье. Вспомним вертушки и мельницы в Тибетских храмах. Нельзя предполагать, что Му Кылчин—мужской коррелят Муз'ем Мумы. У якутов мать земли—Ан Алай Хотун имеет детей—богов зелени—Арака и Царака.

Мы предполагаем, что с постепенной ломкой девичьего и материнского рода нарастала потребность наряду с понятием матери земли—рода, как чего-то стойкого, неподвижного, создать понятие личности, отрывающейся на время от рода, жестоко страдающей и погибающей в борьбе против традиций рода и вновь воскресающей через слияние с тем же родом. Богатой аналогией явилась земля и зелень, ее покрывающая.

Мертвые сливались, поглощались землей. Они вновь оживали в виде зелени, быстро отцветающей за лето. У вотяков возникли Вожо, имеющие какую то генетическую связь с Вумуртами. Эти духи летом близки людям (Инвожо дыр). Зимой, когда мрак и мятели вступают в свои права они предмет ужаса; они мертвые, „не живые“, враги людям. „Вож“ не только зелень, но и гнев, зависть (вож вайыны—гневаться.) В декабре имеется особый праздник—вожо келянь (проводы духов). Это все отголоски культа мертвых, как омофагия, оргиазм, пратотемизм и пр.

8. Диалектическое понимание этнологии твердо установило два положения: 1) Каждое племя под влиянием одних и тех же последовательно сменяющихся экономических факторов создает в общих чертах сходные идейно-бытовые комплексы. Изучить генетику комплексов—задача этнолога. 2) Вопрос о заимствованиях отдельных племен друг от друга отодвигается на второй план; проблема о прародине вотяков отпадает сама собой. Искать пути расселения племени Коми в эпоху, когда отдельными стайками Финно-Тюрки пробивались сквозь леса и болота Евразии почти невозможно. Пережитки этой „стайковой эры“ у вотяков довольно многочисленны. В лесу живет Искал Пыд Мурт—человек с ногами, покрытыми шерстью и с копытами.

Избрандсон в 1692 г. сообщает, что вогуличи приносят в жертву лошадь или пегого козла. В истории религий имеется антитеза солнечных богов, непременно с козлиными ногами: Пан и Зевс, Марсий и Аполлон, Силен и Дионис, Сатана—Иисус, Сильван—Митра.

В древне аккадской легенде солнце называлось козой и „уд“ ибо оно представлялось лазающим, высоким“. (Робертсон. Ев. Мифы. 1923 г).

„В еврейском ритуале господу полагался жертвенный козел, также в том предположении, что солнце, как козел, прыгает по скалам“.

„Остатки коз в Европе мы встречаем в древних свайных постройках и при том сначала чаще, чем овец, в чем видно соответствие с тем, что коза—корова бедняков“. (Богданов, Происх. дом. жив. 1913).

По Штюргу коза—одно из первых домашних животных.

Стайка племен имеет своим тотемом козу. Позднее, когда закон причинности им стал более доступен, они ассоциировали свет—солнце с козой—горными высотами. Искал пыд Мурт-сатир удмуртов, пегий козел—тотем вогулов—все это элементы мифологического творчества, которое дало такой пышный

расцвет в мифах о Дионисе и Аполлоне и свою антитезу в христианском боге и сатане.

Палэс Мурт—полчеловека, Кузьмине Мурт, Искал пыд Мурт—все это образы, где следы козлоногих божеств несут обычно ясные следы антропофагии. В вотском фольклоре Искал пыд Мурты запасаются мясом, равно как людей, так и водяных—Вумуртов. Верещагин дает описание Вумурта, как чудовища с одним глазом на спине. Блемми Гельдингема, Аримасы Геродота наверно только вольный перевод сказаний Коми об их божествах.

Расселение финнов шло по рекам и речкам. История продвижений первых стаяк нашла отражение в мифологии о Вумуртах. Есть какая-то генетическая связь между Музьем Мумы, Вожо, Вумуртами, как указывал еще Первухин. Из безликой орды выделилась личность (Вожо); орда разбилась на стайки, которые шли по речкам (Вумурты), всюду спугивая с насиженных мест лесных обитателей—антропофагов (Искал пыд Муртов)—Нюлес Муртов. Это более древняя культура. Лешие у вогулов—женского рода. (Глушков).

Живут мэнквы (вогулов) целыми деревнями в глухих местах. Кольчуга им неизвестна. Врагов они с'едают, „тугодумы“, часто меняют форму и очертания, знают много заклинаний. Также и у пермяков лесовик (вэрчен) живет в избе, непременно на болоте. Он громадного роста, покрыт черной шерстью. Лесовики почти все великаны. Здесь параллель с мифами греков о сторуких. Лафарг прав, полагая, что в мифе о сторуких подчеркивалась слитая в одно целое воля всего племени. Мэнква—материнский род, где личность в начале его установки, как у австралийцев, не играла никакой роли. Вотяки—Вумурты пробирались по речкам; в лесах по болотам таилась более примитивная культура с домашним животным—козой. По опушкам лесостепи доживали свой век Пичи и Луд Мурты. Это след третьей культуры—культуры карликов, чему аналогия у вогулов: Уччи с собачьими клыками и когтями. Здесь обширное поле для догадок фольклориста. Юрист этнолог начинает свою работу много позднее, с анализа института сакрификации.

9. На примере вотской религии мы видим, как постепенно меняется комплекс, меняется и его оболочка—идеологическая надстройка. Комплексным ядром эры древнего права является опека, понимая этот термин в широком смысле слова. Менялась ее форма, степень охвата, но по существу все оставалось прежним. Процесс развития шел по пути замены опекуна—рода, опекуна—фратрии, опекуна—племени опекуном отцом, опекуном—главой дома. Отношение оставалось прежним:

опекун опекал в своих интересах. Только позднее в эпоху торгового права эксплуатация приняла еще и другой вид: превратилась в свободный договор сытого с голодным. Силой взрывающей изнутри это ядро, послужило накопление, рост собственности в руках жреца, вождя, купца, феодала, неуклонно прогрессирующее отоваривание личностью всего окружающего: вещей, жены, земли и пр.

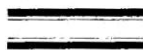
Постепенно сменяются комплексы:

I. Сакральный с его элементами: 1) присвояющим хозяйством, 2) аниматизмом, 3) культом мертвых, 4) прототемизмом, 5) властью жреца, 6) групповым браком. Юридическим принципом явилось высвобождение личности. Юридическим институтом—сакрификация, когда жертва, в частности человек, становится богом и разрывается на части верующими. Логическим завершением сакрификации является табу. Его началом—антропофагия. В идеологии Квазь.

II. Зачатки земледелия взрывают комплекс. Намечается генетический. Его индикаторы: 1) первобытное подсечное хозяйство, 2) анимизм, 3) тотемизм, 4) матриархат, 5) брак семундо, 6) власть вождя. Юридическим принципом служит уточнение субъекта права - товаровладельца. Характерным институтом—дарение, как отражение борьбы рода против самовольного распоряжения личностью своим имуществом (Белех Якутов). В идеологии Музьем Муму, Му Кылчин, Ю-Кылчин. Сигнализаторами для I комплекса—культ мертвых; для II комплекса—формы брака, особенно амбильанак. Личность с помощью техники ломает и этот комплекс.

III. Феодалный комплекс с индикаторами: 1) культом предков, 2) фетишизмом, 3) каббалой-арендой, 4) отцовской властью создает Му Кылдисин'а, Инмар'а. Техника выдвигает письмо. Отец семейства превращается в феодала—торговца.

Начинается эпоха писаного права. На смену этнолога-юриста выступает юрист также, как первый при изучении начальной эпохи протоистории сменяет фольклориста, последний археолога и лингвиста. Наука движется коллективом и массами*).

*) В двух параллельно ведущихся исследованиях: 1) „Сакрификация у вотяков“ и 2) „Происхождение христианства“ в настоящее время веду работу по анализу института сакрификации. М. Х.